

Колесо, что ли, попало в яму на дороге? Автомобиль трянуло, и плечо дернуло, зануло. Разве может так не отпустить простой вывих? Я же врач, должен понимать, что нет. С болью снова пришел крик парохода, разворачивающегося от берега. Желтое пятно портфеля — протягиваю руку, но не успеть. И все летит куда-то: в воду, в воздух, к черту — кубарем. Все тот же сон. Когда я уснул? Так устал за тяжелый, как пудовая гиря, длинный день накануне, что даже назойливая вонь бензина и тряска стали снотворным... Спросонья показалось, что на автомобиль натянули белую простыню, — такой густой туман. Машина ползет еле-еле. Мой попутчик спорит с шофером. Требует ехать скорее, но в таком «молоке» это, конечно, невозможно.

Туман вдруг распался на обрывки — и с дороги в стороны, крича, шарахнулись чайки. «Дагерротипы проявляются под дей-

ствием йодистого серебра, их изображение сравнимо с отражением в зеркале», — вспомнилось мне из статьи о фотографическом искусстве. Силуэты деревьев словно на негативе — проявившись из дымки, отразились в воде. И тут же пошли рябью, ветер приналег, дорога очистилась. Затопленные поля, бледная вода сливается с небом. В каналах мокнут грязно-рыжие камыши — ветер приминает их, низко окунает в воду.

— Развиднелось, дорога наладилась, теперь и поедем. — Шофер суетится, дергает ручку мотора.

Мой попутчик молчит, демонстративно глядит в окно, внезапно увлекшись супрематистским пейзажем: желтые прямоугольники и черные точки — поля и коровы.

— Где это мы? — Замерз я за ночь изрядно. Руки и ноги онемели.

Шофер явно рад, что я заговорил.

— На Костиной яме, — отозвался с готовностью. — Ночью ехали, и — дождь (так и произносит) как из ведра. Теперь вот туманице. Товарищ прав: езда медленная, но если пассажир повредится, то спросят с меня.

Он оправдывался, но не передо мной, а, свернув шею назад, перед моим молчащим попутчиком. Пожалуй, пассажиры и правда могут «повредиться»: дорога идет ямами, вода переполняет канавы, плещется

как в ванне. Автомобиль скользит шинами, вязнет в лужах. Я вытащил карту, тряска мешала смотреть, однако нашел Костину яму между хуторами Дугино и Ряженое. В Ряженое нам как раз и надо. Шофер, держа руль, скосил в карту глаза.

— Тут вот, — не глядя ткнул и точно попал, — смотрите: лиман, а от него уже ерики идут. — Он показал на тонкие излучины каналов и добавил: — А вот тут хутора.

Я посмотрел. По карте выходило, что хутора разделяют поля. А на деле вокруг была только вода.

— Не ко времени выехали: вода идет, ее ветер гонит. Поганой силы на эту весну! Боюсь, и лодки не подойдут вас встретить — унесет. Да что лодка, утку сдувает, — шофер сунулся, показал пальцем. Стаю чирков, поднявшихся на крыло, ветер разметал по дальнему берегу ерика, как неосторожно рассыпанный табак.

От резкого рывка мы подались вперед, шофер ругнулся.

— Стоп машина! Дальше не пройдем — низовая дала. Если только на телеге...

Впереди виднелась дорожная станция, затопленная едва ли не по ступени крыльца. За ней мост, уходящий под воду. Я вышел размяться — ботинок тут же увяз в разбухшей земле. Ветер шуршал сухими водорослями, уцепившимися за ветки с прошлогод-

него половодья. Шофер ушел и вернулся с местным мужиком в высоких сапогах.

— Дальше ходу нет, мостки унесло. — Мужик почесал за ухом, закурил. — У Семена два быка на острове остались, сунулся туда на лодке — без толку! Подойти не смог.

— Переждать надо, — снова сказал шофер.

Но мой попутчик настаивает. Холодно, резко. Шофер злится, курит в отдалении. Я подошел к нему:

— В тот день, когда девушка пропала, она из города возвращалась на вашей машине? Вас опрашивали, я смотрел записи. Но вы мне коротко расскажите.

— Да уж опросили. От и до. — При этих словах он почему-то попил себе ладонью по горлу. — Но я, голубчик, вот те крест, ничего не видал! Ничего не знаю! Колесо свернулось. Народу набилось полный кузов, — тосковал он, поглядывая на двухосный грузовичок с низкими бортами. — У меня ж «АМО»¹, — шофер ударил голосом на «о». — На заграничной основе сделан. По здешним дорогам... не жилец.

---

¹ Автомобиль АМО-Ф-15 был разработан на базе итальянского грузовика FIAT, сборку которого завод АМО вел с 1919 по 1924 год. При этом в конструкцию машины были внесены существенные изменения.

Мой попутчик махнул мне, привлекая внимание. После длинных споров мужик согласился пригнать телегу. Она медленно — впряжен смоляной бык — движется, плывет. Мужик посвистывает, но ветер забивает звук обратно, и он, сплюнув, замолкает.

У самого берега нас ждала лодка. Мы погрузились и, оставив позади простор лимана, вошли в лабиринты каналов. Лодка закачалась на мелких частых волнах, попутчик схватился за фуражку, чтобы не унесло. Узкий ерик, впереди и позади одно и то же: бурые стены лохматого рогоза — непонятно, как ориентируется лодочник. Кажется, что стебли обвиты мотками веревок. Я присмотрелся: со стебля соскользнула змея и быстро поплыла в сторону лодки. Я отшатнулся.

— Гадюки. В этом годе их страсть как много, но в воде оне не жалют. — Лодочник шевельнул веслом в воде привычно, равнодушно.

Мой попутчик взглядом проводил гадюку.

— В Ряженом вас разместят. Нужно будет сразу разыскать местного фельдшера, — говорит он резко, отрывисто, откусывая куски слов. — Он должен вас встретить, но... человек ненадежный.

— Что же так?

— Мечтательный.

Он отвернулся, спрятав лицо от ветра. Попутчик мой, товарищ Турщ, откомандирован в этот район от ОГПУ. Встретил я его всего день назад в нашей ростовской милиции.

Что это был за день? Теплый. Если за городом весна была нерешительная, неверная, отраженная в воде, дробящей деревья и небо, то в городе, напротив, она готовилась вступить в полную силу. Тротуар чистый, сухой, твердый. Выставлены зимние рамы. Вечерами — трамвайные огни и гудки в порту. В подворотнях высвистывал свежий ветер, трепал афиши кинотеатров, где давали «Падение династии Романовых». В музыкальных классах открыли окна, и в шум улицы врывались обрывки арий из опер и оперетт. После мартовских мокрых метелей кирпичные стены отдавали теплую влагу...

По бывшей Скобелевской улице (теперь, конечно, Красноармейской) прошел строгим шагом человек в фуражке и с портфелем. Попетлял вокруг корпуса краснокирпичных казарм и остановился у невысокого здания. А потом вдруг шагнул и — пропал. Но советская милиция мистики не любит и запросто так исчезнуть никому не даст — человек ступил из круга фонарного света в темноту крыльца, потянул на себя дверь с табличкой, на которой значилось: «Доноблугро».

Я хотел его окликнуть, попросить придержать дверь — мешали горячие пирожки в насквозь промасленной бумаге, — но не успел.

У барьера при входе меня остановил дежурный.

— «Вечерка» извещает: за один день зарегистрирована тысяча случаев заболевания гриппом!

Я кинул взгляд на стенд с передовицей. Из-под старого «Ведется подготовка к юбилею 10 лет Февральской революции» торчит новое: «Мартовский субботник». Прицеплено вырезанное объявление: «Каждый подписчик газеты «Трудовой Дон» получит художественный фотоснимок Ленина в гробу». И ниже — Берлин сообщает, что англичане готовят очередную провокацию против советских дипломатов.

— Антисоветские планы Англии теперь неопровержимый факт, а вот Германия не поддается гипнозу британцев! — Дежурный, подняв указательный палец, резюмировал передовицу. И уже другим тоном добавил: — Товарищ Лисица, тебя к начальству вызывают.

Кабинет начальства был старей. А само начальство — новое. Только на моей короткой памяти в Доноблугро — третье. Но разговоры велись обычно одни и те же. Песочили за небрежно заполненные отчеты

и низкую скорость работы. И правда, мы успевали до обидного мало. Я, как «судмед-эксперт, приписанный к розыску», имел право изучать материалы дела, осматривать вещественные доказательства и опрашивать свидетелей — в общем, почти карт-бланш, равен по полномочиям уголовному следователю. Учитывая наличие краевой лаборатории судебно-медицинской экспертизы, можно было сказать, что значимость работы криминалиста наконец-то оценили! Моя мечта сбывалась прямо в эти дни. Понимая, как чудовищно дорого обходятся ошибки в работе, я набирал практику всюду, где было можно. Всем нам приходилось быть специалистами самого широкого профиля. А среди рутины — грабежей и бандитских налетов — попадались интереснейшие для судебного врача случаи. Рук же в милиции по-прежнему не хватало. Под моим «шефством» было всего двое сотрудников да неуловимый Цырыпкин — фотограф. Один из «моих», то есть приписанных к судмедкабинету, товарищей — младший милиционер Вася Репин, прозванный Репой, — уже маялся в кабинете начальства.

За шкафом с картотекой я разглядел силуэт гражданина с портфелем. Он напомнил мне нигилистов, какими их изображали в романах, — широкое пальто, косоворотка, волосы неровно острижены. Из этой

картины выбивалась фуражка с прицепленной красной звездой, которую он держал на коленях. Гражданин молча кивнул мне. Хозяин кабинета — начальник уголовно-розыскного подотдела — поздоровался, потер переносицу, подцепил бумаги желтыми от махорки пальцами и заговорил ровным тоном:

— Большое внимание сейчас уделяется уголовщине в сельских местностях. Есть верные сведения, что на Дону и Кубани остаются несколько сотен бандитов. В их числе бывшие царские офицеры. Умело конспирируясь...

Я устал стоять и сел, не спрашивая разрешения. Начугро не отреагировал — не признавал церемоний. Взглянув на меня, Реппа тоже пристроился на клеенчатый диван.

Я никак не мог взять в толк: к чему эта политинформация? Какое отношение бандиты в станицах — хоть уголовные, хоть политические — имеют к Ростову? Начальник продолжил, уже читая по бумаге:

— Стоит задача укрепить низовой аппарат в станицах путем помощи от окружного угрозыска, то есть нас.

Начальник обвел меня и Репина взглядом, кивнул в угол:

— Вот товарищ прибыл к нам в связи с этим. Командирован из района, чтобы получить от нас содействие.

«Нигилист», несколько высунувшись, качнул головой. Протянул руку, коротко представился: Турщ. Начальник пояснил, что товарищ Турщ из ОГПУ.

— А ведомству, как вы знаете, — продолжил начугро, — доверена работа по подавлению любых контрреволюционных явлений, в том числе бандитизма и уголовщины.

Я рассмотрел тонкие, как нарисованные, брови товарища Турща и женский рот, неестественно красный в кудрявой бородке. Комиссар с лицом отрока.

Он заговорил отрывисто, будто телеграфируя, помогая себе жестами:

— В рыбацьем поселке Ряженое пропала местная активистка. Любовь Рудина. Некоторое время назад уехала в город за покупками для ячейки станичного ревкома. Но домой, то есть в общежитие, так и не вернулась. Рано утром ее товарки забили тревогу. Тело вскоре нашли. На Гадючем куте — это мыс у заводи недалеко от поселка.

Репя скучал: случай с гражданкой в станице был ему неинтересен. Для Репы настоящие дела — это бандиты или, на худой конец, валютчики, связанные с биржей и недавно со стрельбой ликвидированные в Ростове.

Я выдержал паузу, прежде чем задать логичный вопрос:

— Смерть насильственная?

Казалось, Турщ ждал этого вопроса, однако уточнил, почему я так думаю.

— Рискнул предположить, раз вызвали нас с коллегой, — я показал на Репу.

Турщ покачал головой:

— В том-то и дело, что местный фельдшер не обнаружил следов насильственного преступления. Не утонула, и ранений тоже никаких. Учитывая обстоятельства и обстановку, в которой нашли Рудину, местные заговорили о смерти сверхъестественной.

Я вскинул брови.

— Тело якобы находилось у берега, завернутое в материю, нечто вроде савана, — пояснил Турщ. — Но главное, что вызвало пересуды, — вода вокруг была красного цвета.

Репа присвистнул.

— Почему «якобы»? — уточнил я. Слово не показалось мне оговоркой.

— Теперь точно не узнать, как было на самом деле. Только со слов местного, который ее нашел, — выдохнул Турщ. — Австрияк — это его прозвище, он из немцев. На самом-то деле он Якоб Мозер. Травмирован боями в германскую. Зачем-то перевез тело в сельскую церковь на острове. Ворвался туда, нес ее на руках, выкрикивал строчки из религиозных текстов.

— Что конкретно?

— Насчет красных вод и в целом, так сказать, о конце света. Вредный бред. Утверждал, что случай мистический. После разошелся слух, что на материю, в которую завернули Рудину, были краской нанесены различные знаки, чуть ли не каббалистические, в том числе, — Турщ дотронулся до фуражки, — звезда.

— Говорите, он травмирован. Психически или?..

— Странности есть, контужен. Но не умалишенный, если вы об этом. Хотя я не могу точно судить. Место на берегу мы разыскали после, с его слов.

— А история про красные воды и знаки подтвердилась?

— Что ж, про воду, хм, возможно... Но насчет знаков или прочего в этом духе, — просто мазня белой краской. Ткань, точнее транспарант, в который замотали тело, был взят у самой Рудиной. Везла из города наглядную агитацию — ячейка выделяет средства. Планируем месячник, нужны плакаты, листовки.

— Много ли средств при ней было? Может, позарились на остаток да и ограбили?

— Из вещей ничего не взято.

— Того, кто нашел тело, задержали?

— Взяли сразу же. Но отпустили, —

16 буркнул Турщ и неохотно пояснил: — При-

шлось! Вмешался служитель культа, как раз таки поп той самой церкви. Австрияк у него вроде как работник, помогает. Поп говорит, весь вечер и ночь накануне контуженый провел там. К церкви доступ только по воде. Просто так, незаметно, не уйти...

— И вы поверили?

Турщ скривился:

— Обстановка в Ряженом накалена. Сильно влияние религиозного элемента.

— Ну, что касается причин смерти... — Я на минуту задумался и продолжил: — Местный фельдшер мог, допустим, проморгать черепно-мозговую травму. Истерическая реакция этого местного, который ее нашел — не слишком надежного свидетеля! — довершила дело. Я бы советовал все же пристальнее к нему присмотреться. Возможно...

Турщ выдвинулся из-за шкафа:

— Вы не смóтрите в корень! Рудина была общественницей. Порвала с косной семьей. Помогала вести работу по учету улова. В Ряженом национализирован завод по переработке рыбы, хозяин удрал за границу. Теперь на месте завода создается артель «Диктатура пролетариата». Но местное население всячески саботирует. Рудину все хорошо знали. То, что над телом поглумились, может быть демонстрацией, плевком в лицо власти. Дело дошло до руководства края!

— Вот в связи с этим товарищ и прибыл, — закруглил начугро. И обратился ко мне и Репину: — За помощью. Низовому аппарату в станицах мы должны помогать.

— Вам предписано командировать туда двух сотрудников, — констатировал Турщ. — В первую очередь стоит задача осмотреть тело. Установить причину смерти. Заявить авторитетное мнение и развеять криво-толки.

Репин негромко выдохнул «эх!» и поправил мохнатую шапку, которую не снимал до жары. Меня же история зацепила. Как ни ругал я себя за слабость, случаи смерти женщин или, хуже, детей всегда вызывали острую жалость и гнев.

— На месте мы всемерно вам поможем, — продолжил Турщ. — Там есть милиционер, товарищи из ячейки ревкома.

— Так, может, все-таки достаточно одного нашего сотрудника? — Начугро, у которого на счету был каждый подчиненный, спрашивал наудачу. И его, и меня удивило, что Турщ не стал настаивать, а, помедлив, согласился:

— Я, конечно, понимаю вашу ситуацию — кадры.

— Как вы посмотрите на решение командировать в Ряженое товарища Лисицу? — Начугро прямо посветлел лицом. — Он у нас на должности эксперта. Сотрудник грамот-

ный, нужной квалификации. Да и человек компанейский — умеет найти подход, вызовет доверие у местных!

Репа, предатель, закивал усердно — он бы и лондонского душителя назвал компанейским, лишь бы ему дали возможность остаться в Ростове и не отрываться от азарта больших дел ради сельской глуши.

— Кого и отправить, если не вас, доктор? Это по вашей части, — добавил начальник.

Похоже, вопрос закрыт. Я поинтересовался, как долго туда добираться.

— Сейчас разлив, дорога непредсказуема. — Турщ подтянул с пола свой портфель.

Условились выехать сразу же, в ночь:

— Каждая минута на счету. Потом не проедешь. Ну, сами увидите.

Репин и Турщ вышли, начальник попросил меня задержаться. Не поднимая головы от стола, копаясь в бумагах, сказал:

— Это задание вам будет кстати. — Он замолчал так надолго, что я уже подумывал напомнить о себе. — У меня запросили ваши документы. Проводится чистка.

Чистки — борьба с «последними очагами буржуазных кадров» — проходили во всех крупных учреждениях. Графу «происхождение» я заполнял правдиво, не лукавя, не желая юлить. Да и глупо — что скрывать? Отец — врач, ученый. Мать? Из обнищав-

шего польского рода. Тетка, несмотря на преклонный возраст, до сих пор трудится в Кисловодске медицинской сестрой. Если бы не история с портфелем, думаю, обо мне бы давно забыли. На этот счет меня приглашали для беседы год назад и не так давно снова. Пришлось даже провести не слишком приятную ночь «с разговорами» в неприметном особняке — бывшей комендатуре¹.

— Я привык суждения выносить сам, — продолжал между тем начугро. — И о человеке выводы делаю по его делам. Ваша работа нам крайне полезна. Терять грамотных сотрудников на важном этапе борьбы с преступностью нерационально и неразумно. Но и вам, — он помолчал, — нужно будет показать в Ряженом результат.

* * *

При воспоминании об этом разговоре снова кольнуло давящее ощущение чужой воли. Именно в тот момент, когда дан случай наконец работать как мечталось, снова препятствия. Муторные мысли. Камень в желудке. Что же я — убегаю? Прячусь от тех, чьего права над собой не признаю?

---

¹ «Черный чемоданчик Егора Лисицы».

Впрочем, ерунда, к черту! Я отвлекся, перебирая в уме детали рассказа об обстоятельствах, при которых нашли тело Рудиной. Без повреждений и следов насилия местный фельдшер затрудняется назвать причину смерти...

Холодная волна плеснула через борт в лодку. Бурые волны катились к высокому берегу по левую руку. На склоне белели крупные валуны удивительно правильной формы.

— А это что? — я показал на камни Турцу. В тумане ближайший из них напомнил мне *vertebra(ae) cervicalis* — шейный позвонок.

— Змей. Хребет из берега выходит. Море — видите? — обрыв съедает, земля осыпается.

Я не успел рассмотреть, о чем это он, пришлось покрепче вцепиться в борт. Волны за кормой взбесились и, пожирая дерево за деревом, наступали на завоеванную человеком землю. В воду уходили мостки, утыкающиеся в небольшую пристань. Ближе к воде лепились длинные сараи рыбацких артелей. У пристани я различил фигуры. Лодка ткнулась в сваю, закачались водоросли.

Одна из фигур подскочила, протянула руку:

— Давайте помогу — шаткие мостки! День добрый, товарищ милиционер.

Я поблагодарил, схватился за руку, примерившись, прыгнул — мостки отчаянно зашатало.

— Мы знакомы? Простите, думаю, не имел чести.

— Незнакомы, но кем же еще вы можете быть, когда мы все знаем, что лодка ушла за следователем из городской милиции?

Он представился: Рогинский Аркадий Петрович, местный фельдшер. Я снял перчатку, чтобы пожать ему руку:

— Рад знакомству. Но я скорее ваш коллега. Судебный врач. Хотя и командирован от милиции.

— Ах, батюшки! Прошу покорнейше простить, мы думали, товарищ для следствия.

Этот фельдшер Рогинский был занятный. Его можно было принять за лавочника: такой же словоохотливый, со смешками. Розовая плешь, коротенький — мне едва до плеча, но раздавшийся вширь. Серенький плащ, высокие галоши, простая палка с набалдашником — он довольно ловко подцепил ею край лодки, подтягивая ее ближе.

— Давайте, давайте вещи. А это у вас что же? Веломашина?

— Да, удобно: складной велосипед.

Покосился с сомнением:

— Ну что же. Вещь, должно быть, полезная. Вы головной убор-то держите — унесет. Вот, собственно, и добро пожаловать: Ряженое!

* * *

Ряженое стоит на пороге морского залива, в дельте реки. Берег, насколько видно, укреплен кое-где грядой речных камней. Очевидно главная, довольно широкая улица высоких домов на сваях и крепких каменных низах жметя близко к берегу. Вода плещет почти у домов, кое-где колыхаясь у самых плетней. Дома побелены, крыши покрыты тростником. Ставни, перила галерей выкрашены синей краской. Позади домов огороды, а за ними — уже ничего, голая степь. Обитаема лишь узкая полоса суши вдоль берега. Осматривая залитый водой пейзаж, я поинтересовался, не опасно ли тут строиться и как доставляют продукты, лекарства. Фельдшер ответил, что строят высоко, посему опасности нет, а все необходимое привозят на лодках.

— Сейчас еще ничего. Вода, бывает, поднимается так, что прямо с галдарей¹, — он указал, приподняв трость, на деревянные

---

¹ Галдарь (*местный диалект*) — балкончик, галерея.

балкончики вокруг дома, — рыбу ловят. Помню, год тому умер бригадир по фамилии Краснощеков, так его два месяца в засмоленном гробу держали. Кладбище вода разорила, похоронить негде. Сутками на чердаках сидели. Та вода и запомнилась по нему как «краснощековская». Скот, конечно, бывает, гибнет, да и в доме потом сырость. Но мы привычные.

В отдалении глухо ударил церковный колокол, с белой отбели поднялась цапля, болтая в воздухе длинными ногами.

— Сначала разместим вас и чаю горячего? — предложил фельдшер.

Времени терять не хотелось. Затянем, и место, где нашли тело, окончательно уйдет под воду. И без того люди и животные наверняка уничтожили почти все следы.

— Гадючий кут далеко отсюда? Вещи можно оставить, — я огляделся, — да вот хоть тут, у пристани.

Рогинский глянул на Турща и безнадежно махнул рукой куда-то в камыши.

— Не знаю, пройдем ли. Ну, попробуем. Только вот тогда попросим Данилу Иваныча... Вас все равно разместили у него в хате. — Он схватил за рукав нашего лодочника, сунул ему саквояж. — Отнеси, любезный, доктора вещи.

По селу нас провожали мальчишки и брехливые собаки. Почти у каждого забо-

ра стояли, рассматривали, кивали соседям, бросались вперемежку русскими и казачьими словечками:

— Это чей же такой?

— Анадьсь приехал.

— Глянь-ка. Тю!

— Вихор... игрневый¹.

— ...у лодочника, Данилы-бригадира, в хате поставили.

— Да рази?

— Мослаковатый!²

Улица повернула. Вдоль низкого здания с вывеской «Лабаз» я заметил длинный ряд столбиков.

— Привязывать лодки, — объяснил Турщ.

На карте, которую мне показывал шофер, вся эта земля была как на вытянутом языке — на огромном мысе, выступающем в море. По всему мысу протоки, ерики, частой сеткой бежали к морю. В половодье вся эта местность становилась отдельными островками, частью каналов дельты. Из Ряженого на «большую землю» или к церкви и кладбищу добраться можно было по каналам и только на лодке.

---

¹ Игрневый (*местный диалект*) — светлой масти.

² Мослаковатый (*местный диалект*) — худой, с выступающими костями.

Вода наступала отовсюду, обнажая корни деревьев, покачивая наросшие на них бурые водоросли. Фельдшер Рогинский продвигался первым, кругло согнув спину, шаря тростью, как если бы шел по трясине. Турщ молчал и шагал позади.

— Места у нас особенные! Всяк кулик свое болото хвалит, само собой, но разве найдете еще такой простор? — Рогинский внезапно остановился. — Смотрите: вон там выход на залив, на Чумбурку¹. Море здесь, правда, мелкое, как блюдце, но рыбное. Римляне в давние времена называли его Меотийским болотом.

Мы вышли к протоке.

— А вот уж это место. Видите, справа канал? По-местному — ерик. — Он кивнул на узкую протоку. — Называется Кутерьма. При нагоне воды этот ерик и отрезает нас от земли.

Мы поднялись на травянистый пригорок, который растворился в песке. Какой-то человек стоял вдалеке, сгорбившись, без фуражки и, завидев нас, быстро ушел.

Море катило к берегу багровые плотные волны. Признаться, услышав рассказ Турща, я подумал, что «красная вода» объяснится просто — либо сработала оптическая иллюзия, подогретая суеверными страхами,

---

¹ Чумбур-коса (местное название).

либо вылиняла красная ткань, в которую завернули тело. Но волны, насколько хватало глаз, были именно цвета крови... не венозной, а скорее артериальной, ярко-алого оттенка. У самого берега волны закручивались бурим.

Фельдшер, запыхавшийся на подъеме, покрутил пальцами и, показав на воду, сказал, обращаясь к Турщу:

— Извольте видеть — опять! — Он повысил голос и продекламировал как со сцены: — «Вот ангел вострубил, и третья часть моря сделалась кровью», — и добавил уже совершенно спокойным голосом и с явным сожалением: — Бычка уморит.

У берега колыхалось пятно гниющей рыбы.

Турщ махнул, чтобы я поднялся выше на пригорок.

— А это что? — Я показал на серое строение на горизонте.

— Старый маяк на насыпном острове. Давно заброшен. Во-о-он, видите, «голощечина». — Я рассмотрел обнаженное песчаное место среди травы. — Это Гадючий кут. Нам туда нужно.

Вода зашла далеко на берег, плескалась у низкорослой ивы, вцепившейся корнями в песок, устроила овражки глубиной по колено. Если следы на траве были, то сплыли давно.

Я махнул фельдшеру. Он подошел ближе.

— Аркадий Петрович, ведь это вы осматривали тело?

Рогинский, задумавшись, приминал мокрую траву галошей и ответил не сразу.

— Ах да, я, кто же еще... Видимых следов насилия нет, — дословно повторил он объяснения Турща. — Впрочем, не было возможности провести полноценный осмотр. Как раз накануне снова... разные случайности, инциденты. К тому же стало известно, что краевое начальство обяжет товарища Турща привлечь к делу *auctoritas*¹ — врача из города.

Стена взъерошенного ветром рогоза — рыжая, вода поблескивает в просветах... Услышав шорох, я подождал: из зарослей вышла птица с тонким кривым клювом. У берега стебли рогоза были сильно примяты, я шагнул рассмотреть ближе.

— Нужны сапоги, если хотите зайти глубже, — остановил меня Турщ, подойдя и не вынимая рук из карманов.

Рогинский, приблизившись, с готовностью предложил:

— Пройду вперед? Гляну, может, сумеете пробраться.

Прыгая по кочкам, он угодил в ил, провалился, но выкрутился, как шуруп, в обратную сторону, цепляясь за камыши.

Турщ говорил, перекрикивая ветер:

— Тут редко кто ходит.

— Из-за цвета воды? Боятся?

— А что вода? — фельдшер наконец вылез, стуча ногами, стряхивая ил. — Это багрянка — красные водоросли, Rhodóphyta. Цветут, извольте видеть.

Рогинский прибавил, уже обращаясь только ко мне:

— Там неглубоко, а чуть дальше отмель. Пробраться можно, — и продолжил: — Явление довольно редкое. В прошлый раз пришлось на год кометы. И вот — снова! Накануне эти водоросли погнал к берегу «багмут» — северо-западный ветер. Аккурат в ночь перед тем, как здесь нашли тело девушки.

— Вот бы и разъяснили явление в клубе, товарищ Рогинский. — Турщ досадливо сморщился. — Предрассудков было бы меньше.

Фельдшер покрутил головой.

— Разубедить здешний народ невозможно, сами знаете. Да и веса среди местного населения у меня нет, вы не раз говорили.

Турщ отвернулся.

Обсыпанный как мукой шелухой рогоза и мелким мусором, я добрался до узкой по-

лосы белого песка — отмели. Осматриваясь, наткнулся на почти целиком занесенный песком обломок лодочной обшивки. В ржавом металлическом кольце обрывок истрепанной веревки. Осмотрел, стараясь не слишком ворочать. Из-под доски выскользнула потревоженная гадюка, прочертила извилистую линию на песке.

На берегу я достал блокнот, набросал план места. Турщ наблюдал за мной, сунув руки в карманы. Фельдшер бродил неподалеку, шевеля тростью пучки острой травы. Я окликнул Турща:

— Где сейчас тот местный, который нашел ее? Австрияк. Я бы хотел поговорить с ним.

— Потолкуете, само собой. За день до этого, — он кивнул на камыши, — видели, что она говорила с ним. Точнее, спорила.

— Все же вы погорячились его отпустить, — не утерпел я.

Турщу упрек не понравился.

— Не хотел. Считаю, что он причастен. Да священник баламутил, уперся. — Турщ закурил. — Впрочем, не беспокойтесь, в такой разлив ему отсюда податься все равно некуда.

— Может, она еще с кем-то ссорилась незадолго до смерти? — спросил я Турща.

— С семьей была в ссоре, — ввернул подошедший Рогинский.

— Я не имел касательства к ее личным делам, — добавил Турщ в своем телеграфном стиле. — Возникла необходимость в агитации, товарищу Рудиной выдали деньги. Она поехала в город. Все как обычно. Если вы тут закончили, двинемся дальше?

* * *

На обратном пути, уже в Ряжене, пока я мысленно клял себя, что позволил вместе с вещами унести и мой докторский саквояж, из-за чего приходилось сделать крюк и зайти за ним на «квартиру», Турщ, выражаясь по матери, остановился и ободрал со стены лавки какие-то листки. Фельдшер Рогинский отстал, шагал, о чем-то задумавшись. Турщ ткнул бумагой в мою сторону. Я прочел:

«Товарищи-граждане, по всему району известно, что наш округ задался целью показать пример о проведении социализма. Что такое социализм? Это есть обман крестьян. Товарищи, мы обмануты!»

— Видите, что делается? Форменный саботаж, срываю через день. Село и станции рядом в прошлом были контрреволюционными, и не служивших у белых, кроме молодежи, считайте, никого нет.

— А погибшая? — спросил я.

— Двадцать лет. Хороший работник. Организовала в селе курсы по ликвидации безграмотности. Агитировала местное население записываться в артель. Но, как я уже говорил, шло туго. Сейчас байды, рыбацкие лодки, личные, а будут общественные. Отдают с боем, а потом отказываются чинить, конопатить. Говорят, раз общее — значит, ничье.

Турщ посмотрел наверх, я проследил за его взглядом: хищная птица раскинула крылья. Вдалеке точки — лодки рыбаков. Красные волны отсюда смотрелись темной полосой.

— Вдоль берега всюду рыбацьи поселки?

— И казачьи станицы. В работе с казаками были перегибы, это не отрицается. — Турщ методично складывал сорванное объявление. — Сейчас взят другой курс. Так сказать, не допускать опасной искры, не подпалить бикфордов шнур. У нас работают ревкимы — для более тесной связи с населением... — Сложив бумагу, он ногтем сгладил сгибы, как портной стрелки на брюках. — Но, несмотря на это, участились нападения на артель. Мешают работе, учету рыбы. Портят имущество. Останавливают обозы. Кроме того, из порта идет контрабанда...

Турщ аккуратно разорвал объявление, клочки полетели на землю.

— Подозреваем, — продолжил он, — что нападения и саботаж, а пожалуй, и контрабанда имеют один источник. В последний месяц обстановка в Ряженом мутится явно организовано.

— Есть мысли, догадки — кто именно мутит?

— Известно, вполне. Черти. — Нас нагнал фельдшер.

— Черти?

— Нападавших так и описывают: шерсть, рога, копыта... Поймать пока не выходит. Вот, пришли. Тут вас и разместили.

В комнате, которую мне определил хозяин, я пристроил в углу на вешалке тяжелый от сырости плащ. Попросил немного времени собрать все нужное.

Раскрыл саквояж, проверяя, не забыл ли чего. Турец сел на лавку у окна, достал папиросу. Фельдшер с любопытством разглядывал содержимое моего саквояжа. Прищурился, всматриваясь в коробку с порошком.

— Это для дактилоскопии, — пояснил я.

— От греческого — «палец» и «смотреть»? — уточнил фельдшер.

Я кивнул:

— Рисунок кожи на пальцах индивидуален. Непревзойденная вещь для определения личности. Нужен особый порошок, но

в крайности подойдет и толченый грифель, и хорошая дамская пудра.

Фельдшер бросил рассматривать коробочку и потянулся за тростью.

— Пойду вперед, подготовлю все, — заговорил он деловито. — Тело мы опустили в погреб, там подходящая температура, молоко не киснет, бывает, что и неделю. Но поспешить с аутопсией нужно. Третий день, жители возмущены, что не даем хоронить.

Турц с фельдшером переглянулись неожиданно мирно.

— Приходили женщины, вышла тяжелая сцена. Уже и домовину сколотили, и яму выкопали, и погребальное сшили. А вот отец и братья в стороне. Она ведь для них безбожница-активистка...

Он вышел.

Я прикинул, во что бы переодеться. Понятно, что при такой погоде перемены мне хватит ровно на полчаса, но уж больно противно липла к телу промокшая от дождя рубашка.

На улице послышались крики. Бросив папиросу, Турц выскочил за дверь. Я взглянул в окно, но через запотевшее стекло ничего не увидел. Схватив плащ, кинулся следом, закрывая на ходу саквояж.

— Опоздали! — Фельдшер Рогинский махал руками, торопил нас. — Мать и кое-кто из местных забрали тело! Увезли в церковь!

Мы почти бежали по улице.

— Этого нельзя допустить! — кричал я Турщу, думая, что если тело успели подготовить для похорон, то уничтожили все улики, которые еще можно было бы найти. — Как же вы проглядели?

Тот так опешил, что начал оправдываться:

— Это ж такой народ! Категорически любого выпада, подянки можно ждать! — Он остановился, развел руками.

Фельдшер пыхтел, багровея от быстрого шага. Выговорил, задыхаясь:

— Больница не острог, охраны там нету!

Турщ, с досады далеко сплюнув, шагнул, чтобы не попасть себе на начищенные сапоги.

— Нужно задержать погребение, — сказал я. — Либо успеем, либо придется эксгумировать.

— Выкапывать, значит... Растерзают. Зашумят! Идите к пристани, я нагоню, только возьму подмогу. — Турщ ушел, широко шагая.

* * *

Солоноватый ветер посвистывает, подталкивает на волнах, заносит в лодку дождь пополам с речной водой.

— Любашу у нас все знали. С семьей она в контрах. Вообще у казаков бабы — ух, боевые, по хатам не сидят. А Любка и вовсе... в городе училась, опять же курсы политграмоты. — Молодой милиционер (из округа, его разыскал и взял с нами Турщ) гребет с усилием, но продолжает болтать. Отмахнулся от моего предложения сесть на весла, сказав, что знает все протоки здесь и так пройдем быстрее. Ориентируется как птица, чутьем — за камышами проток не рассмотреть. Дождь мелкий, морось лепит волосы к лицу.

— Из города она на машине с почтой добиралась? Я говорил с водителем.

— Да, как обычно, на ней! Но колесо увязло, Люба не стала ждать, пока вытащат, вылезла, сказала, пешим ходом быстрее. Верно я говорю, товарищ Турщ? — Милиционер опустил весла, осмотрелся, и мы нырнули в другую протоку.

— При ней были личные вещи кроме материалов для агитации. Где они?

— Узел был. Ну, ищо чемодан. Она его в кабине шофера оставила. Чтоб вроде как подвез ей опосля. И пошла. Чемодан мать забрала.

Он греб некоторое время молча, всматриваясь в лабиринт камыша.

— Когда ночевать не пришла, мы весь вечер в хаты стучали. Нам сподмогли берег

осмотреть. Но видели ее, нет — не доспрашиваешься: молчат, ироды. Товарищ Турщ вам расскажет, какие тут творятся дела. С властью Советов не хотят сотрудничать!

— Если хватились быстро, значит, она нечасто возвращалась поздно?

— Значица так, раз всполошились. Но я, товарищ, считаю, немцы это. В кузове ж мужик с девкой были, из этих! Ихали с города.

— Предубеждение, — буркнул Турщ. — Случись что, местные винят сектантов или немецких колонистов. Хотя в обычное время рядом живут вполне мирно.

— Вон, уж видно — церква, — милиционер проглотил протест, направил усилие к берегу.

— Заупокойная кончилась, не успели мы, — сказал фельдшер.

Церковь — кирпичная, пустая, темные купола. Кладбище в стороне. Гранитные памятники со скорбящими ангелами. Заросшее мхом, выбитое в камне посвящение попечителю храма, имя не разобрать. Деревянные кресты частоколом.

— Заложные покойники, — бросил милиционер на ходу, — старое чумное кладбище. А нам... вона, смотрите!

Толпа у ямы невелика — черные платки, сдернутые фуражки. Большинство женщины. Одна в центре — напряженное лицо,

низко сдвинут платок, товарки обняли за плечи. Видимо, мать. Я отвел глаза. Земля мокрая — кто впереди, еле удерживается на краю. Яма пустая. Домовина стоит рядом — простая, из светлых мокнувших досок. Мы подходим. Причитания и ропот перерастают в крики.

Турщ хватается за квадратную кобуру маузера. Молодой милиционер сжимает «линейку»¹. В стороне от толпы и ямы я как могу убеждаю священника — одна надежда на его разумность.

Тот твердит: «Одобрить не могу — вы что же...» Приходится давить. Подошедший к нам Турщ трубит угрозы. Священник чуть не плачет, но уступает и, чудо, убалтывает толпу. Переговариваемся: лодка не потянет, просядет, надо вынуть тело из домовины.

Поп умоляет поторопиться — долго народ уговорами не удержат. Везение, что отец и братья не вмешиваются.

— И все же дочь... Хоть и безбожница, а может, опомнятся, — причитает священник.

Вносим домовину в церковь. Потом через подворье обошли — и к лодке: та пляшет на волнах, рвется. Удерживаем, стоя в воде по пояс.

---

¹ «Линейка», «трехлинейка» — русская трехлинейная (7,62-мм) винтовка Мосина.

— Думал, разорвут, стрелять придется. — Турщ оглядывается на церковь. — Отправ-
ляться нужно, да побыстрее.

* * *

Больницу, одноэтажное здание с мезони-
ном, широким крыльцом и вроде пристрой-
кой-флигелем, я толком не рассмотрел. Мы
быстро прошли в темную прихожую. Мельк-
нуло женское лицо.

— Я поставил стол у окна, чтобы было
больше света, — фельдшер кивнул на окон-
ный проем в частом переплете и вдруг про-
декламировал: — «Ее одежды, раскинувшись,
несли ее, как нимфу; она меж тем обрывки
песен пела...»¹

Я уставился на него:

— Пела? Это вы в общем смысле?

Он не смутился:

— В общем, конечно, именно в нем!
Пришло на ум поэтическое совпадение
из строк Шекспира. Трагический случай
с Офелией.

— Турщ сказал, вы не нашли признаков
утопления.

Чуть нагнувшись, он начал снимать пла-
ток и венчик с головы покойницы.

---

¹ У. Шекспир. Гамлет (перевод М. Лозинского).

— Вы городской специалист, вам и выносить вердикт. А вот и о сходстве с Офелией, смотрите-ка.

Волосы девушки были длинными, а не по моде на городской манер «а-ля гарсон»¹, и лежали, как водоросли. Фельдшер, разбирая пряди, вынул смятый стебель цветка. Приоткрыл саван, в складках ткани тоже оказались цветы. Полевые, блеклые, вроде колокольчики.

— Положил кто-то в домовину, не в привычках здесь, но все же трогательный жест, — сказал фельдшер.

— Это местное растение? Какое, не знаете?

— Это... — он поднес стебли почти к носу. — О! Интересно. «Персты покойника», или «плакун-трава». Нет, погодите. Это цветок ятрови. Ботаническое название — ятрышник, семейство Orchidaceae. А народное — несколько смелое. Основано на внешней схожести корня растения с мошонкой. На латыни scrotum, яичко — testis. Корень используют как приворотное зелье — суеверие, конечно.

— Цветы растут там, где нашли тело?

— Вполне может быть, вполне. Рано цветет, встречается нечасто — на мокрых солончаках, в песке... У нас тут были по-

разительно теплые недели. А потом вот снова, — махнул за окно: снег летел, как перья.

Мы разложили свернутые в узел вещи покойной. Жакет городского фасона, ткань хорошего качества, но в пятнах засохшей грязи. Видны повреждения — мелкие дыры, торчащие нитки.

Разгладив подол юбки, фельдшер снял с него зацепившийся жесткий стебель.

— То же растение, но иного рода. Чертополох, точнее, бодяк красноголовый. Защита от порчи и дурного глаза. Коробочки с колючками, старые, цепкие, видимо, еще с зимы, новым цвести пока рано.

— Там, на поляне, я его не заметил.

— Разумеется. Он растет большей частью в оврагах.

— Вы удивительно много знаете о растениях.

— О, я тут увлекся ботаникой. Не дает закиснуть, да и польза для дела существенная. К народным средствам не нужно относиться свысока. Природа суть лекарство. Или вот, взять язык цветов: «крапива» означает «боль». А, допустим, *Nymphaea alba*? Нимфея. Попросту — кувшинка белая. Здесь ее много, скотом не поедается. «Нимфея» означает «отказ от лжи».

Рогинский бубнил над ухом еще что-то. Я уже не слушал. От непростого дня и по-

что бессонной ночи голова у меня гудела, как горшок, по которому хорошенько треснули палкой.

* * *

Для исследования тел власти то и дело печатали новые регламенты, в которых, однако, судебно-медицинский эксперт оставался главным действующим лицом, коему предписывалось «оказывать полное содействие». Я вытурил фельдшера из «прозекторской» — его присутствие и болтовня мне мешали. Тем не менее необходимы были понятия... Ладно, обойдусь пока. Частенько приходилось отступать от правил.

Подкрутил керосиновые лампы. Убрал марлю с окна. Оно выходило на поле и залил, но и сюда долетал усиливающийся гул голосов во дворе больницы.

Не слушая, повторяя про себя рифмованные строчки — по привычке, чтобы сосредоточить внимание, — я занялся делом. Все нужное я привык иметь при себе — иглы, губки, бечевку и сургуч для запечатывания пастеровских пипеток и пробирок. Банки с притертыми пробками и камфара, чтобы приглушить запахи во время исследования тела, нашлись здесь.

Уже тщательнее осмотрел вещи Рудиной. Головки чертополоха срезал, за-

вернул в бумагу. На блузе с тряпичным галстуком не было верхних пуговиц. Под воротником — плотные масляные капли. Снял немного пинцетом, рассмотрел — по виду темный свечной воск. Вырезал часть ткани в надежде собрать отпечаток, но фрагменты были тонкими, смятыми, распались.

Я проверил карманы жакета — нашлась круглая оправа, вещь недешевая, узор на синей эмали. Вывернул карман над листом бумаги, прошелся щеткой по швам. Посыпались сверкающие крошки — разбитое зеркальце. Следы пальцев на оправе смазаны. В другом кармане обнаружилась сложенная красная косынка. Обувь сильно поношена, дырочки замазаны чернилами. У туфли обломан каблук. Судя по состоянию одежды, Рудина бежала или пробиралась через кустарник — шиповник или терн. Надо бы узнать, какой дорогой она возвращалась. Проезжий тракт, которым мы добились до пристани, один, но пешком наверняка можно спрямить. Подол юбки спереди в засохшей грязи — видимо, не раз падала. Место, где ее нашли, этот Гадючий кут, не так далеко от дороги. Но там нет колючего кустарника, фельдшер сказал «голощечина» — всюду мелкий белый песок... Как там сказал Турец — демонстративная выходка, плевков в лицо власти?

Я посмотрел на девушку — сомкнутые веки. Тело обмыли, подготовили для похорон. Открытые части — руки, лицо — все в мелких царапинах, кровоподтеках. Непохоже на укусы или следы ударов тела о камни. Скорее все то же — колючий кустарник. Несколько ссадин. Такие повреждения возникают, если человека с силой тащить по неровной жесткой поверхности.

Кое-где на теле пятна — сначала я подумал, что это следы ушибов, но, достав сильную линзу и разглядев, разобрался, что материя, в которую завернули тело, видно, была такая дрянная, что краска въелась в кожу, оставила следы. Время смерти совпадает с установленным фельдшером.

Прибавив света, я сделал первый продольный надрез и начал вскрытие. В легких воды нет, что ожидаемо. Мозг, внутренние органы.

Исследуя ткань сердца, заметил зону некроза, окрашенную в более светлые тона, ее оттенок постепенно менялся на желтовато-серый. Это значило, что приток крови к сердечной мышце внезапно резко сократился.

Сердце. Английский медик, анатом Гарвей, сравнивал процесс перекачки крови в сердце с работой насоса, бесконечно повторяющего один и тот же цикл. Удар — кровь идет по артериям — потом по венам —

снова удар — и завершение круга. Что могло вызвать остановку сердца у молодой, крепкой деревенской девушки?

Проверил на яды, и в первую очередь на дигиталис. Он вызывает повреждения, сходные с теми, что возникают при параличе сердечной мышцы. В деле отравителя Поммерэ, триумфе французских судебных медиков, преступник использовал этот яд, добываемый из наперстянки.

Однако ни следа известных растительных ядов.

Места тут кишат змеями... Гадюки весной медлительны, укус вряд ли станет смертельным для взрослого человека. Но только если он здоров. Яд дает довольно серьезный отек, опухоль бывает такой, что лопается кожа. Я проверил зрачки — непохоже, следов укуса не нашел. Я постоял, опершись на стол, прикинул. Признаки подходят под осложнение инфаркта миокарда. В просторечии «смерть от разрыва сердца».

В гимназии по классам ходила затрепанная книжка о приключениях гения русского сыска сыщика Путилина¹. Уговор — прочесть за ночь. Проглатывали при свечке,

---

¹ «Гений русского сыска И. Д. Путилин» — серия рассказов Романа Доброго (под этим псевдонимом печатался писатель Роман Лукич Антропов).

вздрагивая от шорохов: то ли родители заметили полосу света и будет взбучка, то ли преступник-горбун «с дьявольски злобным лицом» лезет в окно. И вот там-то, помнится, была история о смерти от сильного испуга. Смерть от испуга и возможна-то только в бульварных романах. Это факт, как выражается товарищ Карась. Но леший меня раздери, если я сейчас не с ней имею дело!

У страха есть «проводник» — надпочечники. Они выделяют в кровь вещество адреналин, недавно открытый в Северо-Американских Штатах. Когда к жертве подбирается хищник, адреналин, как хлыст лошадь, подстегивает, толкает бежать, спасаться. Я снова поглядел на мелкие дырочки — пуговички у ворота блузы вырваны с мясом. Она задышалась, искала воздух. Бежала, не разбирая дороги, не замечая царапающих веток. Резкий выброс адреналина... при осложнениях с сердцем... Надо расспросить фельдшера и родителей, жаловалась ли Рудина на боли в груди, страдала ли ишемической болезнью. Исследуя тело, я установил еще одну причину возможной общей слабости. Очевидно, накануне в городе она сделала аборт. Неплохой мотив, если отец ребенка женат и не хочет огласки.

В судебно-медицинский протокол я, колебавшись, вписал понятым Турца, а фельдшера — своим помощником. Что

же, *ruptura cordis* — разрыв сердца. Сознательно так убить нельзя, случайно — можно. Выходит, смерть — случай? Но последующая выходка с телом явно умышленная.

У двери загремели голоса, я накрыл тело простыней. Стук сапог. Вошел Турщ, отряхивая мокрый снег. Спросил:

— Ну что?

— Инфаркт, — сказал я. — Разрыв сердца.

— Отлично. Конец пересудам!

Турщ бросил взгляд на тело, цокнул и вышел.

У больничного крыльца собралась небольшая толпа. Женщины, завидев меня, замолчали, но глаз не опустили. Я узнал среди них мать Рудиной.

— Товарищи! — Турщ возвысил голос до торжественного. — Медицинский работник, присланный из города, из Доноблугро, точно установил, что смерть товарища Рудиной наступила от болезни сердца.

Его перебили выкрики, гул усилился:

— Наброд¹! Уж он так знает!

— Поди брешет, гундор²!

— Балабон³!

---

¹ Приезжий человек, не казак (*местный диалект*).

² Болтун (*местный диалект*).

³ Пустомеля, празднослов (*местный диалект*).

